

1.3.3. «Организационный вопрос о т. Маленкове»

31 декабря 1954 г. секретарь ЦК КПСС Д.Т. Шепилов представил в Президиум записку о наличии «глубоко ошибочных и политически вредных взглядов по вопросам развития социалистической экономики». Речь в ней шла о части экономистов, вузовских преподавателей и пропагандистов. 15 января 1955 г. записка была одобрена Президиумом ЦК. Решено было разослать ее членам и кандидатам в члены ЦК, усилив в ней критику и осуждение позиций Маленкова в отношении преимущественного развития отраслей группы «Б», то есть производства товаров потребления.

Итак, уже в начале 1955 г. путь на преимущественное развитие производства предметов потребления был отвергнут. На официальном уровне подвергались критике работы ученых-экономистов, которые по-новому рассматривали вопрос о показателях развития народного хозяйства СССР{339}.

На пленуме ЦК КПСС, официально созванном 25 января 1955 г. для рассмотрения вопроса «об увеличении производства продуктов животноводства», Н.С. Хрущев подверг резкой критике тезис о том, что развитие тяжелой промышленности на определенном этапе социалистического строительства перестает быть главной задачей и что легкая промышленность может и должна опережать все другие отрасли индустрии. Он назвал эти рассуждения отрывкой правого уклона, отрывкой враждебных ленинизму взглядов, которые в свое время проповедовали Рыков, Бухарин и другие правые уклонисты{340}.

29 и 31 января 1955 г., то есть в ходе пленума, состоялись заседания Президиума ЦК, на которых был рассмотрен вопрос о снятии Маленкова с поста главы правительства. Обсудив соответствующий проект постановления и приняв его «с поправкой, внесенной т. Молотовым, и дополнением, изложенным т. Кагановичем, решили поручить им, а также Суслову и Пospelову «отредактировать данный проект постановления для вынесения на рассмотрение пленума ЦК КПСС» и поручить Хрущеву «выступить от Президиума ЦК КПСС с докладом на пленуме ЦК КПСС о т. Маленкове»{341}.

И 31 января 1955 г. пленум ЦК КПСС особо рассмотрел «организационный вопрос о т. Маленкове».

Хрущев зачитал проект постановления пленума, вносимый Президиумом ЦК:

«Заслушав доклад т. Хрущева о председателе Совета Министров СССР т. Маленкове и полностью одобряя предложение Президиума ЦК по этому вопросу, пленум ЦК КПСС считает, что т. Маленков не обеспечивает надлежащего выполнения обязанностей председателя Совета Министров СССР»{342}.

Что же конкретно вменялось ему в вину?

Прежде всего, как это ни странно, обстоятельство не первостепенной важности. Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы в местных советских органах, он «плохо организует работу Совета министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям». При рассмотрении многих острых вопросов «проявляет нерешительность, не занимает определенной позиции». Эти недостатки деловых качеств «крайне отрицательно» сказываются на работе Совета министров{343}.

Следующий его недостаток виделся коллективному руководству гораздо более существенным: «Товарищ Маленков не проявил себя также достаточно политически зрелым и твердым большевистским... руководителем». А в качестве примера приводилась его речь на 5-й сессии Верховного Совета СССР. «По своей направленности эта речь с большими, экономически малообоснованными обещаниями напоминает скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на соискание дешевой популярности, чем ответственное выступление главы Советского правительства». Отмечались также допущенные в той же речи «теоретически неправильные и политически вредные» противопоставления темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности, лозунг форсированного развития легкой индустрии. «Не случайно поэтому, что некоторые горе-экономисты, ухватившись за это ошибочное выступление тов. Маленкова, стали развивать уже явно антимарксистские, антиленинские, правооппортунистические взгляды по коренным вопросам развития советской экономики, требуя преимущества темпов развития легкой индустрии»{344}.

Теоретически ошибочными и политически вредными были названы его утверждения о возможности гибели мировой цивилизации в случае, если империалисты будут развязывать третью мировую войну, допущенные им в речи перед избирателями в предыдущем году. «Распространение подобных взглядов не только не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов развязать атомную войну, но, наоборот, способно породить настроение безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров, что выгодно только империалистским поджигателям мировой войны,

рассчитывающим запугать народы “атомным” шантажом»{345}.

Особо тяжким грехом Маленкова были названы его «близкие отношения с Берией, оказавшимся авантюристом и предателем», моральная ответственность за «позорное» ленинградское дело, а также за дело маршала артиллерии Яковлева. «Товарищ Маленков, находясь в столь тесных отношениях с Берией не мог не знать о клеветнических наветах на этих работников со стороны Берии перед Сталиным»{346}.

Припомнили ему и его действия во время кончины Сталина, когда, «вместо того чтобы действовать в полном контакте с другими руководящими деятелями партии и правительства», он «обособился с Берией» и вместе с ним «подготовил предложения о составе правительства и “реорганизации” министерств»{347}. Находясь под влиянием Берии, Маленков поддерживал его предложения по ряду внешнеполитических вопросов, в том числе о нашей политике в Германии, «о том, чтобы совсем отказаться от курса на строительство социализма в ГДР и держать курс на то, чтобы уйти из Германии, предоставив возможность создания единой, буржуазной Германии в качестве нейтрального государства». Когда же эти «капитулянтские» предложения были отвергнуты, не только Берия, но и Маленков после заседания «обрушились с угрозами на отдельных членов Президиума ЦК, пытаясь их запугать и добиться проведения капитулянтской линии»{348}.

Правда, позже, в июне, «под влиянием других членов Президиума ЦК», Маленков «принял активное участие в пресечении преступной деятельности Берии». Однако на июльском пленуме ЦК КПСС он «не нашел в себе мужества для того, чтобы подвергнуть решительной... критике свои близкие отношения в течение длительного времени с провокатором Берией»{349}.

На Маленкова была возложена политическая ответственность и за «серьезное отставание» сельского хозяйства, так как он в течение ряда лет руководил этой отраслью. «Не обладая необходимыми знаниями и опытом», он, по существу, «не пытался всерьез разбираться в коренных вопросах сельского хозяйства, слепо доверял таким очковитателям, как бывший заведующий отделом сельского хозяйства ЦК товарищ Козлов». Перечислением всех этих фактов, свидетельствующих об отсутствии у Маленкова «деловых и политических качеств, необходимых для выполнения обязанностей главы Советского правительства»{350}, список его грехов не ограничился. Он, оказывается, претендовал еще «не только на руководство деятельностью правительства, но и на руководство Президиумом ЦК»{351}.

После этого слово предоставляется Маленкову. Сообщив, что на Президиуме ЦК, где обсуждался вопрос о нем, он полностью согласился как с оценкой своих ошибок и недостатков, так и с предложением освободить его с поста председателя Совета Министров.

Маленков выступал на пленуме ЦК дважды.

В первый раз он посчитал себя обязанным дать объяснение по ряду вопросов. Прежде всего он признал вину за плохое руководство сельским хозяйством.

– И не только сельским хозяйством, но и Секретариатом того периода. И бюро по сельскому хозяйству при Совете Министров неудовлетворительно вело работу в части исправления плохого положения дел в сельском хозяйстве{352}.

Но при этом, правда, сделал существенную оговорку:

– Я не хочу сказать, что я один несу эту ответственность. Это было бы неверно, это было бы даже нескромно с моей стороны. Но я во много раз больше других отвечаю за неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве и считаю, что не к лицу мне прикрываться разными побочными обстоятельствами и сваливать все на эти побочные обстоятельства.

Собственные ошибки и недостатки стали для него более ясными особенно теперь, когда, оглядываясь назад, видишь, что «за последние два года местные, центральные организации провели большую работу по устранению недостатков в области колхозно-совхозного строительства». А сейчас партией выработана поистине грандиозная программа по подъему сельского хозяйства.

– Дать нашему народу 100 млрд. пудов зерна, вдвое-втрое больше продуктов животноводства, – это ли не задача, которая способна вдохновить и поднять каждого из нас? И не обязан ли я перед лицом этой действительно исторической задачи увидеть, как плохо в

прошлом шла работа в сельском хозяйстве, как неудовлетворительна была моя собственная деятельность в этой области? {353}

Касаясь своего выступления на 5-й сессии Верховного Совета, Маленков заявил:

– Если взять выступление в целом, то в нем дан неправильный тон о развитии производства товаров широкого потребления. Я обязан признать это. И я не хочу, не имею права (об этом говорил Никита Сергеевич здесь) прикрываться тем, что мое выступление предварительно смотрели члены Президиума ЦК. Они действительно смотрели. А я продумывал и составлял его. И мне теперь ясно, что это не то, что я должен был заявить на сессии... Ясно, что это есть не что иное, как перепев правооппортунистических взглядов, которым наша партия всегда будет давать решительный отпор. И я подчеркиваю, что моя речь на сессии имела и этот отрицательный результат {354}.

Посчитал себя обязанным Маленков покаяться и в связи с другой стороной своего выступления в Верховном Совете.

– Нельзя ни большому, ни малому руководителю заниматься декларативными обещаниями и подлаживаться под настроения, связанные с нуждами и народа. Если квалифицировать политически, то, я полагаю, надо сказать, что это не что иное как хвостизм. Я полностью отдаю себе отчет в этом и признаю критику и в этом отношении {355}.

И хотя тогдашнее его выступление по крупнейшим вопросам политики партии и было сделано с согласия и ведома членов Президиума ЦК, теперь ему, Маленкову, ясно, что поднятые в нем вопросы должны были прежде всего решаться на Пленуме ЦК.

– С этой точки зрения мое выступление на пятой сессии выглядит как недопустимая претензия на особое положение... Это должно быть уроком для меня в первую очередь и предостережением от повторения подобных ошибок для каждого партийного деятеля.

Свое поведение до и в период смерти Сталина он признал неправильным и осудил это поведение. И «не для оправдания, а для объяснения» стал рассказывать, как он понимал это дело:

– Что касается периода непосредственно после смерти товарища Сталина, то я, как и все товарищи в то время, считал главной нашей заботой – обеспечить единство и сплоченность руководства.

Однако такое объяснение не удовлетворило Хрущева:

– Если бы ты тогда занял нужную партийную позицию, тогда было бы полное единство, потому что только тебя не хватало, ты в то время измерял соотношение сил.

Маленков, утверждая, что не кривит душой и говорит откровенно, продолжал настаивать на том, что, не считая тогда Берию врагом, больше всего опасался нарушения единства.

– Чем было бы хуже, если бы товарищ Маленков был не с Берией? – поддержал Хрущева Молотов. – Что бы изменилось? В чем было бы нарушение единства? Загадочно. Объясните, пожалуйста.

Маленков попытался сделать это:

– Каждый член Президиума должен себе представить, какое могло быть тогда поведение и соотношение...

Но Хрущев не желал его слушать:

– Изолировать этого подлого человека, тогда было бы хорошо! Маленков, согласившись, что «надо тогда было это решить», и что, значит, тем более он тогда неправильно поступал, попытался все же продолжить объяснение, почему он так поступал. И тут его опять перебили. На сей раз Каганович:

– Вы не должны забывать, что тогда были первым секретарем Центрального Комитета партии. Вы не просто Маленков, а представляли ЦК.

Продолжал гнуть свое и Молотов:

– Надо было взять Берию за горло, а у вас не было такого желания. И снова Маленков согласился, что не было у него такого желания.

– А говоришь «единство»! – подвел итог этому эпизоду Хрущев. – Другие могут говорить о единстве, а тебе труднее говорить об этом. Разное положение было {356}.

Признал Маленков, что был не прав и при обсуждении германского вопроса в мае 1953 г.:

– Я рассматривал этот вопрос с тактической стороны. Понимаю вполне, что отстаивать

такой взгляд по существу является политически вредным, политически опасным, неправильным.

Булганин поправил его:

– Ты считал его правильным.

– Да, – согласился Маленков. – В ходе обсуждения.

Но когда Булганин напомнил ему его тогдашние слова: «Доколе мы будем питаться жвачкой Молотова? Почему ты смотришь в рот Молотову?» – попытался их опровергнуть:

– Ты очевидно путаешь мои слова со словами Берии? Однако истинность их подтвердил Хрущев:

– Ты просто и сейчас мужества не имеешь признать этого, а Булганин именно тогда сказал мне об этом {357}.

– Надо набраться храбрости и почестнее говорить, – продолжал наставлять Молотов.

– Ты привык столько лет действовать исподтишка, – стал развивать эту тему Хрущев. – И сейчас занимаешь такую позицию. Наговаривать мастер, а отвечать – духу не хватает.

– Ты и теперь плетешь, ты и теперь крутишь, – вторил ему Молотов {358}. А.Т. Твардовский, присутствовавший на пленуме в качестве члена Центральной ревизионной комиссии, так комментировал на следующий день в своей рабочей тетради то, чему он оказался свидетелем: «Все так, но жаль, что и в свое время всем казалось, что не этому лицу эта должность, но все-таки подавляли в себе это, искали оправдания в том-то и том-то, привыкали к “значительности” его профиля и т. п. Тяжкое впечатление, как в полчаса увял этот человек, исчезла вся его значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами протянутых рук президиума, запинаящийся, повторяющийся, “темнящий”, растерянный, чуть ли не жалкий. Странно, что у него не хватило ума в свое время отойти в сторонку чуть-чуть, быть вторым, неужели так хотелось быть первым? Руби дерево по себе. Жалка и безнадежна его дальнейшая судьба. Это-то он понимал» {359}.

Когда резолюция уже была принята, Хрущев решил удовлетворить естественное любопытство аудитории в отношении того, кто же займет освободившийся пост.

«Вопрос о председателе Совета Министров СССР, – сообщил он, – мы думаем решать на сессии Верховного Совета СССР, соблюдая всю форму в соответствии с конституцией. Президиум обсудил и решил выдвинуть на пост председателя Совета министров СССР товарища Булганина Н.А. Я думаю, что давать характеристику товарищу Булганину вряд ли нужно.

Раздались голоса:

Зачем? Не нужно! После чего Хрущев объявил работу пленума законченной» {360}.

Итак, пленум ЦК КПСС согласился с организационными выводами в отношении Маленкова, предложенными Президиумом ЦК. 3 февраля 1955 года открылась очередная сессия Верховного Совета СССР, и официальные фотографы запечатлели, кто и в каком порядке восседал в первом ряду правительственной ложи во время доклада Зверева о проекте бюджета на текущий год: Хрущев находился в центре, по правую руку от него – Булганин, по левую – Маленков {361}.

А 8 февраля председатель Московского облисполкома А.П. Волков, председательствовавший на совместном заседании обеих палат, сообщил, что на его имя поступило заявление Маленкова с просьбой освободить его от поста председателя Совета Министров по деловым соображениям (недостаток опыта плюс ответственность и за неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве в то время, когда он за него отвечал). Эта просьба была тут же удовлетворена {362}. Причем без того, чтобы дать виновнику возможность самому объясниться. После перерыва Хрущев предложил депутатам назначить главой правительства Булганина, что и утвердили.

9 февраля был одобрен новый состав правительства. Маленков в нем числился одним из заместителей председателя и министром электростанций. Министром обороны вместо Булганина стал маршал Г.К. Жуков.

Так завершился очередной реформаторский цикл нашей истории. Завершился не потому, что иссякла реформистская энергия общества, а скорее потому, что она еще не успела раскрыться и осознать свою силу, потому, что чаяния перемен тогда почти целиком и

полностью связывались с появлением лидера, способного сломить сопротивление консерваторов, вдохновить и сплотить новаторов, внушить надежду отчаявшимся, расшевелить безразличных. Случайно вознесенный на политический Олимп Маленков со столь трудной задачей не справился.